

Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение
города Костромы
«Центр развития ребёнка – Детский сад №73»

Художественные произведения о Великой Отечественной войне

Первая колонна

Сергей Алексеев

(рассказы Сергея Алексеева о Ленинградцах и подвиге Ленинграда).

В 1941 году фашисты блокировали Ленинград. Отрезали город от всей страны. Попастъ в Ленинград можно было лишь по воде, по Ладожскому озеру.

В ноябре наступили морозы. Замёрзла, остановилась водяная дорога.

Остановилась дорога — значит, не будет подвоза продуктов, значит, не будет подвоза горючего, не будет подвоза боеприпасов. Как воздух, как кислород нужна Ленинграду дорога.

— Будет дорога! — сказали люди.

Замёрзнет Ладожское озеро, покроется крепким льдом Ладога (так сокращённо называют Ладожское озеро). Вот по льду и пройдёт дорога.

Не каждый верил в такую дорогу. Непокойна, капризна Ладога. Забушуют метели, пронесётся над озером пронзительный ветер — сиверик, — появятся на льду озера трещины и промоины. Ломает Ладога свою ледяную броню. Даже самые сильные морозы не могут полностью сковать Ладожское озеро.

Капризно, коварно Ладожское озеро. И всё же выхода нет другого. Кругом фашисты. Только здесь, по Ладожскому озеру, и может пройти в Ленинград дорога.

Труднейшие дни в Ленинграде. Прекратилось сообщение с Ленинградом. Ожидают люди, когда лёд на Ладожском озере станет достаточно крепким. А это не день, не два. Смотрят на лёд, на озеро. Толщину измеряют льда. Рыбаки-старожилы тоже следят за озером. Как там на Ладоге лёд?

— Растёт.

— Нарастает.

— Силу берёт.

Волнуются люди, торопят время.

— Быстрее, быстрее, — кричат Ладоге. — Эй, не ленись, мороз!

Приехали к Ладожскому озеру учёные-гидрологи (это те, кто изучает воду и лёд), прибыли строители и армейские командиры. Первыми решили пройти по неокрепшему льду.

Прошли гидрологи — выдержал лёд.

Прошли строители — выдержал лёд.

Майор Можаяев, командир дорожно-эксплуатационного полка, верхом на коне проехал — выдержал лёд.

Конный обоз прошагал по льду. Уцелели в дороге сани.

Генерал Лагунов — один из командиров Ленинградского фронта — на легковой машине по льду проехал. Потрещал, поскрипел, посердился лёд, но пропустил машину.

22 ноября 1941 года по всё ещё полностью не окрепшему льду Ладожского озера пошла первая автомобильная колонна. 60 грузовых машин было в колонне. Отсюда, с западного берега, со стороны Ленинграда, ушли машины за грузами на восточный берег.

Впереди не километр, не два — двадцать семь километров ледяной дороги. Ждут на западном ленинградском берегу возвращения людей и автоколонны.

— Вернутся? Застрянут? Вернутся? Застрянут?

Прошли сутки. И вот:

— Едут!

Верно, идут машины, возвращается автоколонна. В кузове каждой из машин по три, по четыре мешка с мукой. Больше пока не брали. Некрепок лёд. Правда, на буксирах машины тянули сани. В санях тоже лежали мешки с мукой, по два, по три.

С этого дня и началось постоянное движение по льду Ладожского озера. Вскоре ударили сильные морозы. Лёд окреп. Теперь уже каждый грузовик брал по 20, по 30 мешков с мукой. Перевозили по льду и другие тяжёлые грузы.

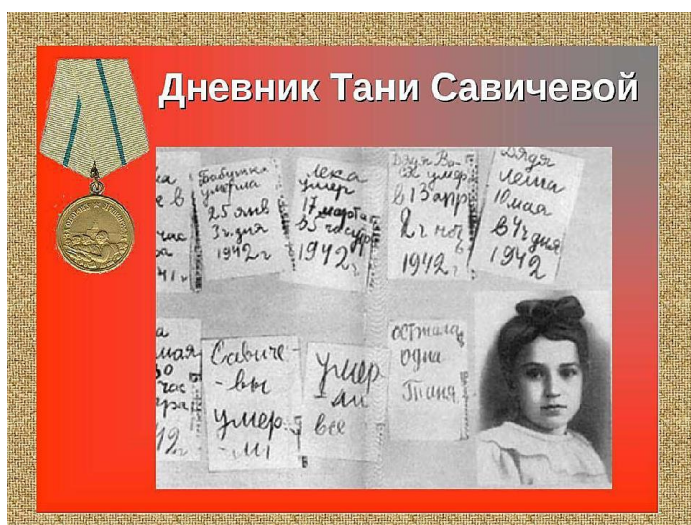
Нелёгкой была дорога. Не всегда здесь удачи были. Ломался лёд под напором ветра. Тонули порой машины. Фашистские самолёты бомбили колонны с воздуха. И снова наши несли потери. Застывали в пути моторы. Замерзали на льду шофёры. И всё же ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в самый лютый мороз не переставала работать ледовая дорога через Ладожское озеро.

Стояли самые тяжёлые дни Ленинграда. Остановись дорога — смерть Ленинграду.

Не остановилась дорога. «Дорогой жизни» ленинградцы её называли.

Таня Савичева

Сергей Алексеев.

Голод смертью идёт по городу. Не вмещают погибших ленинградские кладбища. Люди умирали у станков. Умирали на улицах. Ночью ложились спать и утром не просыпались. Более 600 тысяч человек скончалось от голода в Ленинграде.

Среди ленинградских домов поднимался и этот дом. Это дом Савичевых. Над

листками записной книжки склонилась девочка. Зовут её Таня. Таня Савичева ведёт дневник.

Записная книжка с алфавитом. Таня открывает страничку с буквой «Ж». Пишет:

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час. утра. 1941 г.».

Женя — это сестра Тани.

Вскоре Таня снова садится за свой дневник. Открывает страничку с буквой «Б». Пишет:

«Бабушка умерла 25 янв. в 3 ч. дня 1942 г.». Новая страница из Таниного дневника. Страница на букву «Л». Читаем:

«Лека умер 17 марта в 5 ч. утра 1942 г.». Лека — это брат Тани.

Ещё одна страница из дневника Тани. Страница на букву «В». Читаем:

«Дядя Вася умер 13 апр. в 2 ч. ночи. 1942 год». Ещё одна страница.

Тоже на букву «Л». Но написано на оборотной стороне листка: «Дядя Лёша. 10 мая в 4 ч. дня 1942». Вот страница с буквой «М». Читаем: «Мама 13 мая в 7 ч. 30 мин. утра 1942». Долго сидит над дневником Таня. Затем открывает страницу с буквой «С». Пишет: «Савичевы умерли».

Открывает страницу на букву «У». Уточняет: «Умерли все».

Посидела. Посмотрела на дневник. Открыла страницу на букву «О». Написала: «Осталась одна Таня».

Таню спасли от голодной смерти. Вывезли девочку из Ленинграда.

Но не долго прожила Таня. От голода, стужи, потери близких подорвалось её здоровье. Не стало и Тани Савичевой. Скончалась Таня. Дневник остался. «Смерть фашистам!» — кричит дневник.

Шуба

Сергей Алексеев

Группу ленинградских детей вывозили из осаждённого фашистами Ленинграда «Дорогой жизни». Тронулась в путь машина.

Январь. Мороз. Ветер студёный хлещет. Сидит за баранкой шофёр Коряков. Точно ведёт полуторку.

Прижались друг к другу в машине дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. А вот и ещё один. Самый маленький, самый щупленький. Все ребята худы-худы, как детские тонкие книжки. А этот и вовсе тощ, как страничка из этой книжки.

Из разных мест собрались ребята. Кто с Охты, кто с Нарвской, кто с Выборгской стороны, кто с острова Кировского, кто с Васильевского. А этот, представьте, с проспекта Невского. Невский проспект — это центральная, главная улица Ленинграда. Жил мальчонка здесь с папой, с мамой. Ударил снаряд, не стало родителей. Да и другие, те, что едут сейчас в машине, тоже остались без мам, без пап. Погибли и их родители. Кто умер от голода, кто под бомбу попал фашистскую, кто был придавлен рухнувшим домом, кому жизнь оборвал снаряд. Остались ребята совсем одинокими. Сопровождает их тётя Оля. Тётя Оля сама подросток. Неполных пятнадцать лет.

Едут ребята. Прижались друг к другу. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Едут ребята. Январь. Мороз. Продувает детей на ветру. Обхватила руками их тётя Оля. От этих тёплых рук кажется всем теплее.

Идёт по январскому льду полуторка. Справа и слева застыла Ладога. Всё сильнее, сильнее мороз над Ладогой. Коченеют ребячьи спины. Не дети сидят — сосульки.

Вот бы сейчас меховую шубу.

И вдруг... Затормозила, остановилась полуторка. Вышел из кабины шофёр Коряков. Снял с себя тёплый солдатский овчинный тулуп. Подбросил Оле, кричит:

— Лови!

Подхватила Оля овчинный тулуп:

— Да как же вы... Да, право, мы...

— Бери, бери! — прокричал Коряков и прыгнул в свою кабину.

Смотрят ребята — шуба! От одного вида её теплее.

Сел шофёр на своё шофёрское место. Тронулась вновь машина. Укрыла тётя Оля ребят овчинным тулупом. Ещё теснее прижались друг к другу дети. Девочка, девочка, снова девочка. Мальчик, девочка, снова мальчик. В самой серёдке — кроха. Большим оказался тулуп и добрым. Побежало тепло по ребячьим спинам.

Довёз Коряков ребят до восточного берега Ладожского озера, доставил в посёлок Кобона. Отсюда, из Кобоны, предстоял им ещё далёкий- далёкий путь. Простился Коряков с тётей Олей. Начал прощаться с ребятами. Держит в руках тулуп. Смотрит на тулуп, на ребят. Эх бы ребятам тулуп в дорогу... Так ведь казённый, не свой тулуп. Начальство голову сразу снимет. Смотрит шофёр на ребят, на тулуп. И вдруг...

— Эх, была не была! — махнул Коряков рукой.

Поехал дальше тулуп овчинный.

Не ругало его начальство. Новую шубу выдало.

Мишка

Сергей Алексеев

Солдатам одной из сибирских дивизий в те дни, когда дивизия отправлялась на фронт, земляки подарили маленького медвежонка. Освоился Мишка с солдатской теплушкой. Важно поехал на фронт.

Приехал на фронт Топтыгин. Оказался медвежонок на редкость

смышлёным. А главное, от рождения характер имел геройский. Не боялся бомбёжек. Не забивался в углы при артиллерийских обстрелах. Лишь недовольно урчал, если разрывались снаряды уж очень близко.

Побывал Мишка на Юго-Западном фронте, затем — в составе войск, которые громили фашистов под Сталинградом. Потом какое-то время находился с войсками в тылу, во фронтовом резерве. Потом попал в составе 303-й стрелковой дивизии на Воронежский фронт, затем на Центральный, опять на Воронежский. Был в армиях генералов Мангарова, Черняховского, вновь Мангарова. Подрос медвежонок за это время. В плечах раздался. Бас прорезался. Стала боярской шуба.

В боях под Харьковом медведь отличился. На переходах шагал он с обозом в хозяйственной колонне. Так было и в этот раз. Шли тяжёлые, кровопролитные бои. Однажды хозяйственная колонна попала под сильный удар фашистов. Окружили фашисты колонну. Силы неравные, туго нашим. Заняли бойцы оборону. Только слаба оборона. Не уйти бы советским воинам.

Да только вдруг слышат фашисты страшный какой-то рык! «Что бы такое?» — гадают фашисты. Прислушались, присмотрелись.

— Бер! Бер! Медведь! — закричал кто-то.

Верно — поднялся Мишка на задние лапы, зарычал и пошёл на фашистов. Не ожидали фашисты, метнулись в сторону. А наши в этот момент ударили. Вырвались из окружения.

Мишка шагал в героях.

— Его бы к награде, — смеялись солдаты.

Получил он награду: тарелку душистого мёда. Ел и урчал. Вылизал тарелку до глянца, до блеска. Добавили мёда. Снова добавили. Ешь, наедайся, герой. Топтыгин!

Вскоре Воронежский фронт был переименован в 1-й Украинский. Вместе с войсками фронта Мишка пошёл на Днепр.

Вырос Мишка. Совсем великан. Где же солдатам во время войны возиться с такой громадой! Решили солдаты: в Киев придём — в зоосаде его поселим. На клетке напишем: медведь — заслуженный ветеран и участник великой битвы.

Однако миновала дорога в Киев. Прошла их дивизия стороной. Не остался медведь в зверинце. Даже рады теперь солдаты.

С Украины Мишка попал в Белоруссию. Принимал участие в боях под Бобруйском, затем оказался в армии, которая шла к Беловежской пуще.

Беловежская пуща — рай для зверей и птиц. Лучшее место на всей планете. Решили солдаты: вот где оставим Мишку.

— Верно: под сосны его. Под ели.

— Вот где ему раздолье.

Освободили наши войска район Беловежской пущи. И вот наступил час разлуки. Стоят бойцы и медведь на лесной поляне.

— Прощай, Топтыгин!

— Гуляй на воле!

— Живи, заводи семейство!

Постоял на поляне Мишка. На задние лапы поднялся. Посмотрел на зелёные гущи. Носом запах лесной втянул.

Пошёл он валкой походкой в лес. С лапы на лапу. С лапы на лапу. Смотрят солдаты вслед:

— Будь счастлив, Михаил Михалыч!

И вдруг страшный взрыв прогремел на поляне. Побежали солдаты на взрыв — мёртв, недвижим Топтыгин.

Наступил медведь на фашистскую мину. Проверили — много их в Беловежской пуще.

Ушла война дальше на запад. Но долго ещё взрывались здесь, в Беловежской пуще, на минах и кабаны, и красавцы лоси, и великаны зубры.

Шагает война без жалости. Нет у войны усталости.

Жало

Сергей Алексеев

Наши войска освобождали Молдавию. Оттеснили фашистов за Днепр, за Реут. Взяли Флорешты, Тирасполь, Оргеев. Подошли к столице Молдавии городу Кишинёву.

Тут наступали сразу два наших фронта — 2-й Украинский и 3-й Украинский. Под Кишинёвом советские войска должны были окружить большую фашистскую группировку. Выполняют фронты указания Ставки. Севернее и западнее Кишинёва наступает 2-й Украинский фронт. Восточнее и южнее — 3-й Украинский фронт. Генералы Малиновский и Толбухин стояли во главе фронтов.

— Фёдор Иванович, — звонит генерал Малиновский генералу Толбухину, — как развивается наступление?

— Всё идёт по плану, Родион Яковлевич, — отвечает генералу Малиновскому генерал Толбухин.

Шагают вперёд войска. Обходят они противника. Сжимать начинают клещи.

— Родион Яковлевич, — звонит генерал Толбухин генералу Малиновскому, — как развивается окружение?

— Нормально идёт окружение, Фёдор Иванович, — отвечает генерал Малиновский генералу Толбухину и уточняет: — Точно по плану, в точные сроки.

И вот сомкнулись гигантские клещи. В огромном мешке под Кишинёвом оказалось восемнадцать фашистских дивизий. Приступили наши войска к разгрому попавших в мешок фашистов.

Довольны советские солдаты:

— Снова капканом прихлопнут зверь.

Пошли разговоры: не страшен теперь фашист, бери хоть руками голыми.

Однако солдат Игошин другого держался мнения:

— Фашист есть фашист. Змеиный характер и есть змеиный. Волк и в капкане — волк.

Смеются солдаты:

— Так это было в какое время!

— Нынче другая цена фашисту.

— Фашист есть фашист, — опять о своём Игошин.

Вот ведь характер вредный!

Всё труднее в мешке фашистам. Стали они сдаваться в плен. Сдавались они и на участке 68-й Гвардейской стрелковой дивизии. В одном из её батальонов и служил Игошин.

Группа фашистов вышла из леса. Всё как положено: руки кверху, над группой выброшен белый флаг.

— Ясно — идут сдаваться.

Оживились солдаты, кричат фашистам:

— Просим, просим! Давно пора!

Повернулись солдаты к Игошину:

— Ну чем же фашист твой страшен?

Толпятся солдаты, на фашистов, идущих сдаваться, смотрят. Есть новички в батальоне. Впервые фашистов так близко видят. И им, новичкам, тоже совсем не страшны фашисты — вот ведь, идут сдаваться.

Всё ближе фашисты, ближе. Близко совсем. И вдруг автоматная грянула очередь. Стали стрелять фашисты.

Полегло бы немало наших. Да спасибо Игошину. Держал оружие наготове. Сразу ответный открыл огонь. Потом помогли другие.

Отгремела пальба на поле. Подошли солдаты к Игошину:

— Спасибо, брат. А фашист, смотри, со змеиным и вправду, выходит, жалом.

Немало хлопот доставил Кишинёвский «котёл» нашим солдатам. Метались фашисты. Бросались в разные стороны. Шли на обман, на подлость. Пытались уйти. Но тщетно. Зажали их богатырской рукой солдаты. Зажали. Сдавили. Змеиное жало вырвали.

Горбушка

Борис Александрович Алмазов

Гришка, из нашей средней группы, принёс в детский сад пластмассовую трубочку. Посвистел в неё, а потом стал плевать из неё пластилиновыми шариками. Плевался исподтишка, чтобы воспитательница — Инна Константиновна — ничего не видела.

Я дежурил в столовой. Суп разносить трудно, но я разнёс все тарелки хорошо. Стал раскладывать хлеб на хлебницы. Тут все ребята подошли. Пришёл и Гришка со своей трубочкой. Он как дунет в меня! Пластилиновый шарик попал мне прямо в лоб и отскочил в мою тарелку с супом. Гришка захохотал, и ребята захихикали.

Мне так обидно стало. Я старался, дежурил, а он мне в лоб, и все смеются! В руке у меня была горбушка. Я себе её оставил, я горбушки люблю. От обиды я запустил этой горбушкой в Гришку.

Горбушка от его головы отскочила и покатилась по полу.

В столовой сразу стало тихо. Инна Константиновна посмотрела на меня, покраснела, прошла через столовую, подняла горбушку, сдула с неё пыль и положила на край стола.

— Вечером, — сказала она, — когда все, после полдника, пойдут гулять, ты, Серёжа, останешься в группе. Подумай над тем, что сделал. Ты приходишь в детский сад один, но завтра приходи с папой.

Когда я пришёл домой, папа уже вернулся с работы.

— Ну как дела? — спросил он.

— Нормально, — ответил я и поспешил к своим игрушкам.

— Если нормально, то почему некоторые в шапке в комнату входят; явившись с улицы, не моют руки?

Действительно, я и шапки не снял, и руки не помыл.

— Давай-ка, — сказал папа, — рассказывай, что у тебя стряслось.

— Инна Константиновна несправедливо наказывает! Гришка же мне первый в лоб шариком попал. Я в него горбушкой потом...

— Горбушкой?

— Ну да, от круглого хлеба. Гришка первый, а наказали меня!

Папа очень расстроился. Сел на диван, опустил голову.

— За что тебя наказали? — спросил он.

— Чтобы не дрался! Но ведь Гришка первый начал!

— Так!.. — сказал папа. — Ну-ка, принеси мою папку. Она в столе лежит, в нижнем ящике.

Папа её очень редко достаёт. Там папины почётные грамоты, фотографии. Папа достал конверт из пожелтевшей бумаги.

— Ты никогда не задумывался, почему у тебя нет ни бабушки ни дедушки?

— Задумывался, — сказал я. — У некоторых ребят по два дедушки и по две бабушки, а у меня никого...

— А почему их нет? — спросил папа.

— Они погибли на войне.

— Да, — сказал папа. Он достал узенькую полоску бумаги. — «Извещение», — прочитал он, и я увидел, как у папы задрожал подбородок: — «Проявив мужество и героизм в составе морского десанта, пал смертью храбрых...» — это один твой дедушка. Мой отец. А вот это: «Скончался от ран...» — это второй дедушка, мамин папа.

— А бабушки?

— Они умерли в блокаду. Фашисты окружили наш город. Начался голод. Ленинград остался совсем без продовольствия.

— И без хлеба?

— На день выдавали такой кусочек, какой ты съедаешь за обедом.

— И всё?

— И всё... Да и хлеб-то был с мякиной да с хвоей... Блокадный...

Папа достал фотографию.

— Ну, — сказал он, — найди меня.

Но все ребята-школьники были ужасно худые и похожи между собой, как братья. У всех были усталые лица и печальные глаза.

— Вот я, — папа показал на мальчика во втором ряду. — А вот — мама.

Я бы её никогда не узнал.

— Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде. Иногда к нам приходили солдаты или моряки. Приносили хлеб. Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!» А мы, ребята постарше, понимали, что это бойцы отдали нам свой дневной паёк и на морозе в окопах сидят совсем голодные...

Я обхватил папу руками и закричал:

— Папочка! Накажи меня как хочешь!

— Что ты! Что ты!.. Ты только пойми, сынок, хлеб — не просто еда... А ты его на пол...

— Я больше никогда не буду! — прошептал я.

— Я знаю, — сказал папа.

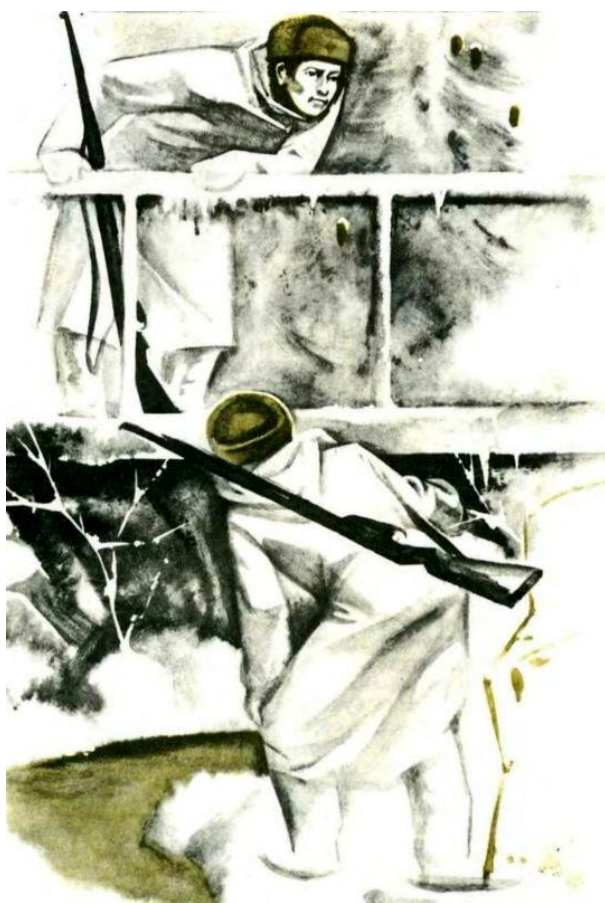
Мы стояли у окна. Наш большой Ленинград, засыпанный снегом, светился огнями и был таким красивым...

— Папа, ты завтра, когда в садик придёшь, про хлеб расскажи. Всем ребятам расскажи, даже Гришке...

— Хорошо, — сказал папа, — приду и расскажу.

Хорошая пословица

Николай Богданов

В мирной жизни Афанасий Жнивин плотничал и охотничал. Строил избы. Умел делать и табуретки и столы. Когда пилил, стругал, приколачивал, любил приговаривать. Если гвоздь гнулся, он его поправлял, стучал молотком покрепче и добавлял:

— Не будь упрям, а будь прям!

И на охоте любил сам с собой рассуждать. Бывало, промахнётся по тетереву и скажет:

— Не тот стрелок, кто стреляет, а тот, кто попадает!

На войне Афанасий стал разведчиком. Сначала его ротный повар заприметил. Подходит Жнивин к походной кухне — и всегда с какой-нибудь шуткой-прибауткой. Подставляет котелок для добавочной порции каши и говорит:

— Отчего-то на войне есть хочется вдвойне!

Отметили его весёлость и командиры. Солдат бойкий — значит, нигде не растеряется. А когда узнали, что он охотничал, стали посылать в разведку.

Бои шли в карельских лесах, среди скал и дремучих елей, засыпанных снегом. Лесная война — коварная: без разведки ни шагу. И несколько раз Афанасий Жнивин вражеские хитрости разгадывал.

Однажды заметили на снегу одинокий след. Кто-то прошёл из нашего тыла через линию фронта. Ну, прошёл, и ладно, где же его теперь искать — давно у своих. Лазутчик, наверное. Проскользнул ночью — и был таков.

Но Жнивин припал к следу и говорит:

— Он здесь, позади где-то. Да не один, а несколько. Они друг за другом, как волки, в один след шли.

— Носками-то след к фронту направлен. Что же, они задом наперёд шли?

— А как же, так и шли, для обману, — отвечает Жнивин и показывает: — Смотрите: пятки в следах глубже носков вдавлены. Значит, вперёд пятками шли.

И хорошо, что наши проверили. Пошли по следам облавой и отыскивали семерых диверсантов. Под крутым берегом речки прятались — хотели мост взорвать.

После этого случая стали Жнивину доверять самые ответственные разведки.

Но вот однажды и Афанасий попал впросак, да ещё как! Чуть-чуть всю роту не погубил.

Нужно было проверить одну узкую дорогу среди дремучего леса. Деревья стояли вокруг великанские. Сосны вершины подняли до небес. Ели ветви

опустили до самой земли. Снегу на них насыпано — целые сугробы. И дорога выётся по узкой просеке, как по ущелью. И глубина снегов в лесу такая, что узкие лыжи тонут, в сторону не свернёшь.

Рота шла по дороге, взяв лыжи на плечи. Жнивина послали вперёд с отличным лыжником Сушковым.

Сушков шёл по дороге и флажком давал нашим сигналы: впереди спокойно, можно идти колонной.

А Жнивин на широких охотничьих лыжах сходил с дороги, углублялся в лес — то вправо, то влево. Внимательно осматривал, не затаился ли где противник. И, возвращаясь к Сушкову, всё приговаривал:

— Следов нет — и врагов нет!

Вот дорога сделала поворот, нырнула вниз. Вот мост через лесную речонку. Великанские ели так плотно обступили вокруг, что только кусочек неба виднеется в вышине. Опасное место, удобное для засады.

Внимательно обследовал его Жнивин и ничего подозрительного не заметил.

Снег вокруг лежал чистый-чистый, никем не топтанный. Тишина стояла такая, что ветка хрустнет — и то за километр слышно.

— Ладно, — сказал Жнивин товарищу, — беги доложи командиру, что есть место для привала, а то из-за поворота нашим твоих сигналов не видно. Что-то они замешкались. А тут и вода рядом, и посидеть есть где.

Так он отправил донесение, а сам остался и стал внимательно оглядывать незнакомый лес. Что-то сердце у него тревожилось. Было как-то не по себе. Чувствовалось, будто он не один, а кто-то за ним подглядывает.

Что за притча: а ведь никого нет! И зверь не крадётся, и птица не летит...

А всё-таки кто-то смотрит.

Даже поёжился Афанасий. Скорей бы уж наши подошли, одному страшно что-то. А на миру и смерть красна...

И тут взглянул он на большую ель, ветви которой согнулись под тяжестью снега, и увидел такое, что мороз по спине пошёл. Из ветвей на него смотрели два глаза. И это были не жёлтые глаза рыси и не круглые глаза филина, а два человеческих глаза!

Но вот что самое страшное: человека не было видно! Ни рук, ни ног, ни головы. Только глаза! И смотрят пристально, зло.

Когда Афанасий встретился с ними взглядом, он даже зажмурился: «Это смерть моя!» И понял: сделай он сейчас оплошность — погиб...

Старый солдат в таких случаях знает одно правило: главное — не пугаться, не торопиться... Афанасий медленно прислонил к перилам моста винтовку, достал из кармана кисет с табаком, стал вертеть сигарку. И виду не подаёт, что заметил что-то недоброе.

Закуривает Афанасий, уткнулся носом в горстку, к огоньку спички, зажатой в ладонях, а сам сквозь пальцы ещё раз на эти страшные глаза взглянул.

Есть! Следят за ним! Не смотрит так ни зверь, ни птица — человеческие глаза ни с какими не спутаешь. Но как же они попали туда, на ёлку? Не дед же мороз туда забрался!

Прищурился Жнивин, взглянул пристальнее и различил, как на загадочной картинке, руки в белых рукавицах, голову под белым капюшоном и человеческую фигуру во всём белом. И из белой груды, затаившейся среди

заснежённых ветвей, торчат сапоги. Не нашего покроя — с закорючками на носках, какие носят фашистские лыжники.

Первым делом захотелось ему схватить винтовку да закатить этому деду-морозу меткую пулю, но воздержался. Заметил на другом дереве среди ветвей ещё подошвы сапог. Значит, врагов тут много. Засада. Накануне метели они на ёлки забрались, потому и следов нет. Ловко устроились! Что же теперь делать? Открыть стрельбу, наших предупредить? Но ведь в ту же секунду и самого убьют. А что от него толку, от мёртвого? Он до победы воевать должен! Нет, так, зря, погибать не годится...

Вихрем промелькнули эти мысли в мозгу солдата, и он стал действовать так, как враги и не ожидали.

Оставил винтовку на мосту, подошёл под ёлку, на которой фашист сидел, и, как будто ничего не заметил, давай под деревом снежок оттапывать.

Затем достал перочинный ножик и ну на коре какой-то знак вырезать.

Наблюдают за ним фашисты. Затаились по деревьям, ничем себя не выдают. Для них один солдат не добыча. Они караулят всю роту. Вот как подойдут русские, не ожидая нападения, так и ударят они сверху из автоматов. Да так всех наповал и положат. Главное, чтобы этот русский разведчик ничего не заметил.

А его можно и в плен взять. Винтовку-то он на мосту оставил, какой-то дорожный знак вырезает.

И вот фашистский автоматчик стал осторожно спускаться с ветки на ветку. Да вдруг как прыгнет! И, стряхнув с ветвей груды снега, обрушился на Жнивина как лавина.

Но Жнивин того и ждал. Ухватил его за руки, сам под него подсунулся да спиной к дереву и прижал. И очутился фашист у него на спине беспомощный, как куль муки. И рук не выдернет, и слезть не может...

Жнивин у себя в деревне и не таких силачей перебарывал! Держит его, как в железе!

От дерева он — на дорогу, а по дороге — бежать к своим. Бежит и врага на спине тащит.

Фашистский дед-мороз завопил истошным голосом. Тут его приятели не выдержали и давай из автоматов палить. Да только вместо Афанасия всё попадают своему в спину.

Стрельбой-то и выдали себя.

Наши как ударили по деревьям из пулемётов — из ручных и станковых, так и полетели «ёлочники» вверх тормашками.

А когда бой кончился, командир подозвал к себе Жнивина и спросил:

— Ну, что скажешь, разведчик? «Следов нет — и врагов нет»... Плохая твоя пословица!

Смутился старый охотник:

— Да, эта пословица на войне не годится. Придётся её заменить другой: «Бываешь в разведке — посмотри и на ветки!»

Командир улыбнулся и сказал:

— Вот эта пословица хорошая!

Вдвоём с братишкой

Николай Богданов

Наши войска шли в наступление. Связисты тянули за ними телефонные провода. По этим проводам артиллеристам сообщают, куда стрелять, штабам — как идет атака, куда посылать подкрепления, танки. Без телефона воевать трудно.

И вдруг в разгар боя оборвались провода, и всякая связь прекратилась.

Немедленно на линию выслали связистов. Вдоль одного провода побежали на лыжах боец Афанасий Жнивин и его товарищ Кременский. Провод был протянут по уцелевшим телеграфным столбам. Смотрят бойцы: один конец провода валяется на снегу, а другой торчит на столбе.

— Наверное, шальная пуля отстрелила, — решили товарищи. — Следов вокруг нет. Кто же его мог оборвать?

Кременский полез на столб. Но только потянулся к проводу, как раздался негромкий выстрел снайперской винтовки, и он упал. Снег окрасился кровью. Вражеская пуля попала бойцу прямо в сердце.

Жнивин схватил похолодевшую руку товарища и медленно огляделся. Молча стоят густые ели, засыпанные снегом. Не дрогнула ни одна ветка. Где же затаился финский снайпер? Не успел разглядеть его Жнивин с первого выстрела. А со второго он и его убьет. Что делать? Полезть на столб, сцепить провод? Нет, это невозможно. Лезть ему долго, а финну выстрелить — четыре секунды. Он меткий снайпер, бьет наверняка. Жнивин притаился под столбом, притворяясь мертвым. Он выжидал, не пошевелится ли снайпер, не станет ли слезать с дерева. Так пролежал он до самого вечера.

Только ночью вернулся Жнивин в свою часть и привез на лыжах погибшего товарища. Он попрощался с убитым другом, сел у костра и крепко задумался.

Через некоторое время прибегают бойцы к командиру и докладывают: — Афанасий Жнивин, видно, с ума сошел: куклу себе делает!

Командир вышел из землянки и подошел к костру. Смотрит — и верно: сидит Жнивин у огня и шьет из белой портянки голову для куклы величиной с человеческую.

Командир отозвал его в сторону и о чем-то с ним поговорил. А потом сказал бойцам:

— Не мешайте товарищу.

А старшине приказал:

— Выдайте ему для куклы старую шинель и разбитую каску.

Афанасий пришел голову к воротнику шинели, к голове прикрепил каску, шинель набил соломой — и получился человек. Он ему даже деревянное ружье на спину приделал и посадил рядом с собой у костра.

Когда принесли ужин, Жнивин сказал бойцам:
— А ну-ка, покормите моего братишку Ваню, он мало каши ел.

На рассвете наши войска снова перешли в наступление. И снова белофинны оборвали во многих местах провода. Афанасий Жнивин вызвался идти на ту же линию, где его чуть не убил снайпер.

Он оделся в белый халат, положил Ваню на лыжи и пополз, толкая куклу впереди себя на шесте.

Бой был сильный. От ударов пушек снег осыпался с елей и порошил, как во время метели. Финский снайпер, убивший Кременского, сидел на том же дереве не слезая, чтобы не выдать себя следами.

Он пристально смотрел вокруг и вдруг увидел: вдоль линии ползет человек в серой шинели. Ползет-ползет и остановится, словно раздумывает. Вот он у столба. Привстал, дернулся вверх, словно его подтолкнули, и снова остановился.

— Трусит, видно, — злобно усмехнулся финн. Он выждал и, когда связист еще раз приподнялся, выстрелил.

Но странный связист только дернулся, но не упал.

Финн прицелился еще тщательней — и снова промахнулся. От злости он забыл осторожность и выстрелил в третий раз.

И в тот же миг получил удар в лоб, словно к нему вернулась собственная пуля. Финн взмахнул руками и повалился вниз.

А Афанасий Жнивин встал из-под столба, почти невидимый в белом халате, и сказал:

— Ну, Ваня, один готов!

Посмотрел, а у его приятеля в шинели три дырки от пуль! Метко стрелял снайпер, да попадал в солому.

Когда он в первый раз выстрелил, Жнивин повернулся на выстрел. Когда во второй раз ударил, Жнивин заметил, как снег с одного сучка осыпался. А в третий раз они выстрелили одновременно. Только финн попал в куклу, а наш боец финну в лоб.

Перехитрив одного финского снайпера, Жнивин перехитрил также и второго. Так он всю войну охотился на финских снайперов, приманивая их на куклу. И охотился всегда успешно.

Ему доставались похвалы бойцов и командиров, а его Ване — только финские пули. Но соломенному братишке не приходилось ложиться в госпиталь, Жнивин сам зашивал его раны суровыми нитками.

И когда бойцы его спрашивали:

— Как это ты так ловко финнов бьешь?

Он отвечал:

— Это я не один, а вдвоем с братишкой.

Лайка-не пустолайка

Николай Богданов

Когда фашисты отступали под натиском нашей армии, они взрывали мосты, портили дороги, сжигали дома и поселки. И жителей всех угоняли. Все живое уничтожали: и скот, и птицу...

Много мы прошли деревень и ни разу петушиного крика не слышали.

Лишь иногда попадались нам

одичавшие собаки. Вокруг бегают, а к нам подойти боятся.

Разведчик Степан Сибиряков за приметил одну такую.

Стоит на опушке леса светло-серая пушистая собачка, как игрушка. Уши торчком, хвост бутоном, и глаза умные, живые.

— Да ведь это лайка, — говорит Степан. — Ценная собака!

Манит ее куском хлеба:

— Собачка, собачка, поди сюда. Не бойся, глупая, я не кусаюсь.

Лайка хвостом виляет, а подойти не решается. Он к ней, а она от него.

— Вот до чего фашисты собаку довели — человека боится! — сокрушается Степан. — Главное, как ее звать, не угадаешь, а то бы сразу подошла.

И начинает выкликать все собачьи имена. И Шарика, и Жучку, и Тузика... — все прозвища перебрал, а толку никакого.

Наконец свистнул, ударил себя ладонью по голенищу и скомандовал:

— А ну, к ноге!

И тут собака вдруг подскочила и стала рядом.

— Эге, — обрадовался Степан, — да ты ученая, охотничья! Ну молодец, вот и хозяина себе нашла!

Подвел он собаку к походной кухне и говорит повару:

— Угости-ка моего дружка кашей с мясом. А повар сидит с перевязанной щекой у остывшей кухни и жалуется:

— Ну что за напасть такая — с этими проклятыми снайперами даже каши не сварить! Только выведу на открытое место — бац! Либо в лошадь, либо в котел, а то вот мне в щеку. Наверно, им задание дано — оставить наших солдат без горячей пищи. Когда простые бойцы идут, они сидят тихо, а как только выедет грузовик, штабная машина или моя кухня, так сразу и закусуют!

Поворчав вдоволь на свою судьбу, повар дал собаке кусок недоваренного мяса и хорошую большую кость.

Степан угощает своего четвероногого друга и говорит:

— Извиняюсь, собачка, не знаю, как вас звать- величать. Придется вам привыкнуть к новому имени... Какое бы ей имя дать?

— Назови ее Пустолайкой, — пошутил повар.

— Нет, — ответил Степан, — лайка — не пустолайка! — и даже обиделся.

До войны Сибиряков был охотником и хорошо знал эту породу.

— Вы знаете, какие это собаки — лайки? — сказал он. — Без них разве белку добудешь! Белка спрячется на дерево, и все тут. Лес большой, деревьев много. На каком она затаилась, поди узнай. А лайка чует. Подбежит, встанет перед деревом и лает, охотнику знак дает. Подойдешь к дереву, а она мордочкой вверх указывает. Взглянешь на ветки — там белка сидит и сердится: «Хорк, хорк!» Зачем, мол, ты меня человеку выдаешь? А лайка ей свое: «Тяв, тяв!» Довольно, мол, поносила свою шубу, отдай людям.

— А рябчика она найдет? — спрашивает один солдат.

— В один момент!

— А тетерева? — спрашивает другой.

— Найдет.

— А фашистскую кукушку на дереве? — поинтересовался повар.

Тут все даже рассмеялись, а Степан нахмурился:

— Постойте, товарищи, это интересный намек. Надо попробовать.

Он подошел к командиру и сказал:

— Разрешите мне испытать на охоте мою лайку?

Командир разрешил.

Сибиряков стал на лыжи, надел белый халат, взял винтовку, свистнул. Накормленная собака побежала за ним, как за хозяином.

Вошли в лес, Степан погладил собаку и шепнул:

— А ну, лайка, кто там прячется на деревьях? Вперед! Ищи!

Лайка поняла, что ее взяли на охоту, и радостно бросилась в чащу леса.

Метнулась туда, метнулась сюда — ни одной белки, ни одного тетерева.

Бегают лайка, и облаять ей некого. Даже синиц в лесу нет. Все птицы от войны разлетелись, все звери разбежались. Сконфузилась собака, перед охотником стыдно. Вдруг чует — на одном дереве кто-то есть. Подбежала, взглянула вверх, а там человек сидит. Что это значит? Удивительно собаке. Не людское это дело — на деревьях жить!

Тявкнула потихоньку, а человек плотнее к дереву прижался. Прячется, повадка, как у дичи. Тявкнула она громче. Тогда фашист угрожал ей. Тут лайка и залилась на весь лес.

— Тсс!.. — шипит фашист.

А лайка свое: «Тяв, тяв, тяв!» Зачем, мол, ты на дерево залез?

Отгоняя надоедливую собаку, снайпер не заметил, что к нему осторожно, невидимый в белом халате, подкрадывается наш боец. Степан не торопясь прицелился и нажал на спуск. Раздался выстрел. Враг повалился вниз, ломая ветви. Степан на охоте белку в глаз бил, чтобы шкурку не портить, и на войне стрелял без промаха. Собака отскочила, поджав хвост и завизжав с испугу.

— Что, брат, — серьезно сказал Степан, — велика птица свалилась? Ну, знай: это фашистская кукушка. Приучайся к новой охоте. Мы их с тобой всех переловим, чтобы они за людьми не охотились!

Сибиряков снял с врага оружие и пошел обратно, Лайка вперед забегает, подпрыгивает.

— Молодец, — кивает ей Степан, — понятливая собака! Враг фашиста — друг человека.

Так Степан Сибиряков стал знаменитым истребителем фашистских снайперов. Неутомимо очищал он лес от этих разбойников и после каждого удачного похода, поглаживая пушистую шерсть умной собаки, приговаривал:

— Лайка — это не пустолайка!

И назвал собаку ласковым именем — Дружок.

Щедрый ёжик

Юрий Збанацкий

Как-то ночью отправились мы с товарищами в разведку. Темень, дорога незнакомая. Ветер всё время шелестел листвой. Нам приходилось часто останавливаться и прислушиваться: боялись, как бы неожиданно не наткнуться на врага.

Но не убереглись. Только вышли из лесу и десяти шагов не сделали по поляне, как вдруг:

— Хальт!

Мы бросились назад, а фашисты нам вслед из пулемётов да из автоматов. Пули, как мухи, зажужжали возле ушей.

Шагов на сто ушли мы от врага, уже думали, что опасность миновала. И тут-то меня словно палкой ударили по ноге. Я упал. Попробовал было подняться и не смог. Вражеская пуля

пробила

ногу.

Опершись на плечо товарища, я кое-как проковылял на одной ноге с полкилометра. Идти дальше не было сил. Ещё с километр товарищ пронёс меня на спине. А больше ни я, ни он двигаться были не в состоянии. Мы заползли в густой кустарник.

— Что ж, — говорю я, — возвращайся в отряд, а я останусь.

— А если фашисты по следу пойдут? — тревожно посмотрел на меня друг.

— Ничего не поделаешь — буду отбиваться, пока хватит патронов...

— А потом?

— А потом? Что ж, потом...

Я не договорил. И так всё было понятно. Товарищ не хотел оставлять меня одного. Только удостоверившись, что враги больше нас не преследуют, он отправился в партизанский отряд.

Я остался ждать.

Прошёл день. Миновала ночь. Мучила боль в ноге, и пронизывала густая холодная осенняя изморось. А тут ещё стал донимать голод и особенно жажда, Я весь горел и мог бы выпить не ковш, а думается, целое ведро воды, но воды не было ни капли. Изморось только пропитала влагой одежду и землю, на которой я лежал, беспомощно распластавшись, но пить было нечего.

Я знал, что мой друг вернётся с партизанами не раньше, чем дня через четыре. А мне казалось, что сил не хватит прожить ещё и день. На рассвете неподалёку от меня что-то зашелестело листьями. Я только крепче сжал автомат — подняться не было сил. Прислушался. Хрустнула сухая ветка, ещё явственнее послышался шорох. Я понял — это не человек. Верно, зверюшка какая-нибудь.

И не ошибся. Шагах в двух от меня пробежал круглый, встопорщенный ёж. На иголках у него я заметил какие-то зеленоватые шарики. Ёж пробрался под густой куст и долго там копошился, хозяйничал. Немного погодя он вышел из-под куста и отправился куда-то по своим делам.

Я догадался, что под кустом у ёжика жильё.

Подтягиваясь на локтях, добрался до куста. Действительно, там была у ежа кладовая.

Первыми попались мне под руку дикие лесные груши. Пришлось взять с десятков грушек, хоть и не хотелось обижать работягу-ежа. Поев, я почувствовал себя немного лучше и был очень благодарен ёжику.

Скоро ёжик опять вернулся с добычи. Он был весь разукрашен лесными грушками. С минуту удивлённо глядел на меня из-под насупленных бровей, потом направился к своему тайнику. Выйдя оттуда, опять взглянул на меня маленькими глазками. Ёжик, верно, не заметил пропажи, а может, не рассердился на меня за свои грушки.

Весь день и всю ночь ёжика не было. Я решил, что он больше не вернётся к своей кладовой. Но на рассвете ёжик снова пришёл с тремя яблоками, наколотыми на иголки. Подошёл совсем близко ко мне, фыркнул. Мне показалось, что это он пригласил меня полакомиться яблочками. Я охотно принял подарок щедрого друга.

То же было и на следующий день. Ёжик словно подрядился снабжать меня едой — приносил то яблоки, то груши.

Наконец пришли партизаны. Ёжика в это время не было дома. Меня положили на носилки и понесли. Шли лесом. Забывая о боли, я всё время всматривался в кусты. Очень хотелось ещё раз увидеть щедрого ёжика, который так гостеприимно принимал меня в лесу и спас от голода.

Письмо

Карасева Вера

Кто-то постучал, и Галя отворила дверь. На площадке стоял их старый знакомый почтальон и протягивал письмо.

— От папы! — воскликнула Галя и крепко сжала в руке маленький бумажный треугольник. Да, это было письмо с фронта, письмо от папы.

Больше двух месяцев не получали они с мамой от него ни строчки; волновались, не спали по ночам и плакали тайком друг от друга. А сейчас Галя держала в руке самое настоящее, самое драгоценное на свете — папино письмо и смеялась от радости.

Через минуту она уже знала, что папа жив и здоров и послал им в этом месяце четыре письма. Что от них он тоже давно не имеет вестей, день и ночь думает о том, как живут они в осаждённом Ленинграде.

Галя аккуратно разгладила письмо и прочла ещё раз. Потом она сложила его, спрятала на груди и посмотрела на часы. До

мамино возвращение оставалось ещё много времени. Неужели всё это время мама не будет знать, что от папы пришло письмо?

— Пойду к маме на работу, — решила Галя.

Мамина фабрика была далеко, трамваи не ходили, и Галя знала, что ей придётся идти пешком. Но это её не пугало. Она представляла себе, как обрадуется мама, увидев письмо, и ей становилось так весело, что хотелось петь и смеяться.

Во дворе она встретила Вовку. Верный друг Вовка вызвался проводить Галю. Они вышли из своего двора и направились к Невскому проспекту. Долго шли молча и с тоской и обидой смотрели вокруг.

Как сильно изменился их город за эту длинную и страшную блокадную зиму! Разбитые и обгорелые дома, выбитые стёкла, чёрные отверстия от попавших снарядов, воронки на мостовых.

Вот большое красивое здание. До войны это была школа. Сейчас здесь разместился госпиталь. Сюда привозили с фронта контуженых и раненых бойцов. И на этот дом, где лежали больные, беспомощные люди, фашисты тоже сбросили бомбу.

На главной улице Ленинграда, на Невском проспекте, все витрины забиты досками, и в магазинах темно, как ночью на улицах. На Аничковом мосту, что лежит через речку Фонтанку у самого Дворца пионеров, не видно знаменитых коней и их укротителей. Эти громадные красивые статуи ленинградцы зарыли глубоко в землю, чтобы в них не попала фашистская бомба или снаряд.

И красивый Аничков мост выглядят пустым и скучным, словно кто-то его обокрал.

Но до реки Фонтанки Галя и Вовка не дошли, они свернули раньше и вышли на Владимирский проспект. Не успели они пройти по нему и двух кварталов, как завывала сирена... Значит, летят фашистские самолёты. Вовка сказал:

— Может, не будем прятаться?

Галя вздохнула:

— Мне тоже не хочется. Да ведь я маме слово дала...

И они вошли в ворота большого дома. На стене была нарисована стрелка и под ней надпись: «В убежище!» В этом убежище они просидели около часа, и Гали успела ещё два раза прочесть папино письмо.

Сначала тихонько, про себя, а потом вслух для Вовки. Вовка слушал, нахмутив брови, а потом сказал:

— Очень тихо они воюют. Если бы я был на фронте, я бы воевал не так. Я бы день и ночь бил фашистов. Я бы ни одной минуты покоя ям не дал.

— А ты думаешь, наши солдаты им покой дают? Ого! — сказала Галя. — Пошли. Отбой.

Они опять шли по улице и по-прежнему не могли оторвать глаз от искалеченных и разбитых домов. На этом вот углу совсем ещё недавно стоял небольшой двухэтажный дом. Фугасная бомба попала в соседнее высокое здание, а маленький домик снесло воздушной волной, и он превратился в груды кирпичей, железа и деревянных обломков.

— Смотри, — говорит Галя Вовке, — ведь разбиты самые обыкновенные мирные дома. И возле нас так же: в госпиталь попал, в детскую консультацию, в булочную и овощную лавку... Если бы ты знал, как я их ненавижу!..

— Знаю. А они опять палят. Слышишь?

Дети бегом бросились в ближайшее парадное. Там тоже было написано, что «убежище во дворе направо», но в убежище они не попали. Вовка успокоил Галю, сказал, что в это парадное снаряд залететь не может. Не с той стороны обстрел.

— И всё-таки страшно, — вздохнув, сказала Галя. — Никак не пойму тех людей, которые ничего не боятся. А я и бомбёжки, и обстрела — всего боюсь.

— Так, может, вернёшься домой? А я сам схожу.

— Что ты! Я буду прятаться, а ты пойдёшь один? — возмутилась Галя. — Я потерплю. Мне страшно, но не особенно. А главное, я хочу видеть, как обрадуется мама.

Стрельба наконец прекратилась. Вовка выглянул за дверь и сказал:

— Пошли, пока тихо.

Вскоре они подошли к перекрёстку, так не похожему на другие перекрёстки, потому что здесь было не четыре угла, а пять. Пять улиц лучами сходились к одной точке, и трамвайная остановка называлась тут «Пять углов».

— У тебя ноги не мокрые? — заботливо спросил Вовка.

— Нет. Только болят немножко. А как ты думаешь, такой блокады, как ленинградская, никогда раньше не было?

— Конечно, не было. В старину тоже бывали города в осаде, но ведь с самолётов тогда не бомбили, самолётов не было, из тяжёлых орудий тоже тогда не стреляли.

А потом о блокаде они уже больше не вспоминали и всю остальную дорогу говорили об интересных книжках. Галя любила читать о жизни разных замечательных людей. А Вовке больше всего нравились приключенческие повести и книги о путешествиях.

Так незаметно и добрались они до маминой фабрики. На часах возле проходной было без десяти минут пять. Значит, мама уже кончает работать и разыскивать её в конторе или в цеху нет никакого смысла. Галя и Вовка решили подождать у проходной.

Скоро мама вышла. Увидев ребят, она остановилась и закрыла рукой глаза: верно, подумала, что случилось что-нибудь плохое.

Галя подбежала, обняла маму и вложила ей в руку письмо.

— От папы. «Он жив и здоров!» — сказала она.

Мама торопливо развернула письмо и стала читать, с трудом разбирая слова, потому что на глаза её всё время набегали слёзы. Но это было от радости, и Галя не мешала ей плакать.

У ворот стояла машина, гружённая солдатскими фуфайками, которые шили на этой фабрике. Шофёр Катерина Васильевна приоткрыла дверцу и крикнула маме:

— Нам по дороге, садитесь, я вас подвезу!

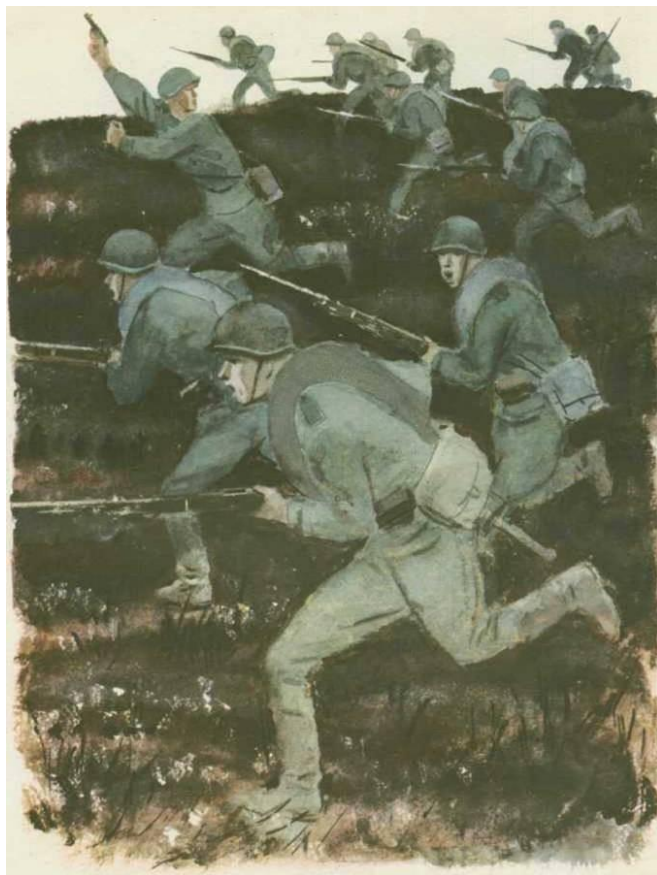
Галя и Вовка страшно обрадовались. Катерина Васильевна помогла им забраться в кузов и устроиться на ватниках. А мама села в кабину.

Ехать было очень хорошо. Просто даже отлично. Где-то далеко, должно быть за островами, садилось прохладное мартовское солнце. Вовка рассказывал Гале о новой книжке. А мама в кабине, наверное, в десятый раз перечитывала папино письмо.

Про нашу пехоту (главное войско)

(глава из книги «Твои защитники»)

Лев Кассиль

Не гром ударил — «ура»
загремело.

Не молния блеснула — штыки
засверкали.

Пошла в бой наша пехота.
Главное войско, без него победы
нет.

Самолёт бросит бомбы —
улетит.

Танк дорогу проложит и уйдёт.
А пехота всем завладеет, каждый
дом отобьёт, из-под куста врага
выгонит, под землёй его достанет.

Велика сила у советского
солдата. А храбрости и умения ещё
больше.

Один на один против танка
выходит с гранатой.

На все руки мастер. Где штыком
врага не достанет, там пульей не
промахнётся.

Оружие бережёт, лопату
уважает.

В бою смерти не боится.

В походе отдыха не просит.

Солнце жарит, пыль — идёт пехота.

Мороз трещит, снег — идёт пехота.

Дождь льёт, грязь — идёт пехота.

День светлый — идёт пехота.

Ночь тёмная — идёт пехота.

Пришла пехота, залегла, окопалась. Ждёт приказа, чтобы в наступление идти.

Пулемёты — на место, патроны — в ружьё, гранату — в кулак.

Самолёты наши разведали, где враги.

Пушки наши продолбили путь, танки дорогу расчистили.

Вперёд, пехота! Поднялась...

— Ура!

Не гром гремит, не молнии блещут — идёт пехота в наступление.

Вот так про пехоту нашу во время войны говорили. А с тех пор она стала ещё
сильнее во много раз. И оружие у неё теперь новое. И в поход она уже не пешком идёт, а
на быстрых машинах мчится. Солдаты в них надёжной бронёй укрыты — пуля не пробьёт.

И зовутся теперь эти солдаты не пехотинцами, а мотострелками, войска же —
мотострелковыми.

«Воздух!»

Лев Кассиль

Бывало так. Ночь. Спят люди. Тихо кругом. Но враг не спит. Высоко в черном небе летят фашистские самолеты. Они хотят бросить бомбы на наши дома. Но вокруг города, в лесу и в поле, притаились наши защитники. День и ночь они на страже. Птица пролетит — и ту услышат. Звезда упадет — и ее заметят.

Припали защитники города к слуховым трубам. Слышат — урчат в вышине моторы. Не наши моторы. Фашистские. И сразу звонок начальнику противовоздушной защиты города:

— Враг летит! Будьте готовы!

Сейчас же на всех улицах города и во всех домах громко заговорило радио: «Граждане, воздушная тревога!»

В ту же минуту раздается команда:

— Воздух!

И заводят моторы своих самолетов летчики-истребители.

— Воздух!

И зажигаются дальнотзорные прожектора. Враг хотел незаметно пробраться. Не вышло. Его уже ждут.

Защитники города на местах.

— Дай луч!

И по всему небу загуляли лучи прожекторов.

— По фашистским самолетам — огонь!

И сотни желтых звездочек запрыгали в небе. Это ударила зенитная артиллерия. Высоко вверх бьют зенитные пушки.

«Вон где враг, бейте его!» — говорят прожектористы.

И прямые светлые лучи гонятся за фашистскими самолетами. Вот сошлись лучи — запутался в них самолет, как муха в паутине. Теперь его всем видно. Прицелились зенитчики.

— Огонь! Огонь! Еще раз огонь!

И снаряд зенитки попал врагу в самый мотор.

Повалил черный дым из самолета. И рухнул на землю фашистский самолет. Не удалось ему пробраться к городу.

Долго еще потом ходят по небу лучи прожекторов. И слушают небо своими трубами защитники города. И стоят у пушек зенитчики. Но тихо все кругом. Никого не осталось в небе.

«Угроза воздушного нападения миновала. Отбой!»

Таран

Лев Кассиль

Прилетел в наше небо большой самолет. Черно-желтые кресты на крыльях. Сзади — фашистская метка, как репей-колючка на собачьем хвосте. Вражеский самолет. Бомбардировщик.

Но есть у нас всех и у тебя храбрые защитники — славные летчики наши.

Словно буря пронеслась по полю. Только мелькнули красные звезды на крыльях — и вот уже в небе они! И ревет мотор, и воздух воет, ветер отстал, облака — в клочья! Это махнул навстречу врагу маленький и быстрый самолет-истребитель. Сердитый, острый, как пуля, «ястребок».

Догнал фашистов наш быстрый «ястребок» и стал клевать врага, бить из пулеметов: в крыльях у него пулеметы.

Отбивались фашисты. Палили из пушки, стреляли из всех своих пулеметов.

Ранила одна пуля нашего летчика в руку. Больно было летчику, но ни за что не хотел он упускать врага. Как рассерженная пчела, жужжал «ястребок» и вился над

фашистским самолетом. Залетал сбоку и заходил спереди. Нагонял сзади и бросался на врага сверху. Вертелся фашист, плевался огнем из пушки, огрызался пулеметами.

Долго шел бой в небе.

Вдруг замолчали пулеметы «ястребка».

Что такое?..

Кончились патроны. Нечем больше стрелять.

Обрадовались фашисты: «Что он может с нами сделать без патронов!»

«Нет, не уйдешь от меня! — сказал наш летчик, разогнал что есть духу свой маленький «ястребок» и смело полетел прямо к самому хвосту вражеского самолета. — Не уйдешь!»

Отчаянно стреляли в него фашисты. Целые стаи пуль неслись навстречу.

Но «ястребок» с налету ударил своим винтом по рулю бомбардировщика и перерубил фашисту хвост — словно острым мечом отсек.

Разом рухнул вниз фашистский самолет. Ткнулся с размаху носом в землю и взорвался на своих бомбах.

А у «ястребка» только пропеллер погнулся от удара. Раненый летчик дотянул машину до своих и доложил командиру, что задание выполнено: враг уничтожен.

— Вы ранены, садьте, — сказал командир. — Благодарю за службу. Отличный таран!

А таран — это и есть тот смелый удар, которым наш «ястребок» разрубил фашиста.

Сапёры

Лев Кассиль

Речка. Через речку мост.

Решили по этому мосту фашисты свои танки и грузовики на другой берег перевезти.

Узнали про то наши разведчики, и командир послал к мосту двух отважных бойцов-сапёров.

Сапёры — умелый народ. Дорогу проложить — зови сапёров. Мост построить — посылай сапёров. Взорвать мост — опять сапёры нужны.

Залезли сапёры под мост, заложили большую мину. Полна мина взрывчатки. Только брось туда искру—и страшная сила родится в mine. От этой силы земля дрожит, дома рушатся.

Положили сапёры мину под мост, вставили проволоку, а сами незаметно уползли и спрятались за бугром. Размотали проволоку. Один конец под мостом, в mine, другой — в руках у сапёров, в электрической машинке.

Лежат сапёры и ждут. Холодно им, но они терпят. Нельзя пропустить фашистов на этот берег.

Час лежат, другой... Только к вечеру показались фашисты. Много танков, грузовиков, пехота идёт, тягачи пушки везут...

Подошли враги к мосту. Вот передний танк уже загремел по доскам моста. За ним — второй, третий...

— Давай! — говорит один сапёр другому.

— Рано, — отвечает другой. — Пускай все на мост войдут; тогда уж сразу.

Передний танк уже до середины моста дошёл.

— Давай скорей, пропустишь! — торопит нетерпеливый сапёр.

— погоди, — отвечает старший.

Передний танк уже к самому берегу подошёл, весь фашистский отряд на мосту.

— Теперь время, — сказал старший сапёр и нажал рукоятку машинки.

Побежал по проволоке ток, соскочила искра в минуту, и так грохнуло, что за десять километров слышно было. Гремучее пламя вырвалось из-под моста. Высоко вверх взлетели танки, грузовики. С треском взорвались сотни снарядов, что везли на грузовиках фашисты. И всё — от земли до неба — закрыл густой, чёрный дым.

А когда ветер сдул этот дым, не было там ни моста, ни танков, ни грузовиков. Ничего от них не осталось.

— В самый раз, — сказали сапёры.

Сестра

Лев Кассиль

Пошел в опасный бой боец Иван Котлов. Ударил Ивана фашистская пуля. Руку пробила и в грудь попала. Упал Иван. А товарищи бойцы далеко вперед ушли, врага гнать. Лежит Иван один в снегу. Рука болит, дышать трудно—пуля в груди мешает. Лежит и думает: «Конец мой приходит. Умру сейчас». И глаза закрыл. И думать перестал.

Вдруг слышит: кто-то тихонько его трогает. Стал Иван глаза открывать, да не так-то легко это. Смерзлись ресницы. Вот один глаз открыл, потом — другой. Видит: подползла к нему девушка, на сумке красный крест, — медицинская сестра из отряда. Вынимает из сумки бинт и начинает перевязывать рану — осторожно, так, чтобы не больно.

«Кругом бой, а она приползла», — подумал Иван и спросил:

— Умру?

— Будете жить, товарищ. Я вас сейчас перевяжу.

— Спасибо, сестрица! — говорит Иван Котлов. — Дозвольте узнать, как вас зовут.

— Надя зовут, — отвечает. — Надя Балашова.

Перевязала она раненого, взяла его винтовку, обхватила Ивана Котлова рукой и потащила в безопасное место. Фашисты по ней стреляют, а она знай себе ползет и раненого тащит. Маленькая, а сильная. И ничего не боится. Так и спасла она Ивана Котлова. Славная подружка, храбрая девушка Надя Балашова!

<https://e-libra.ru/read/420360-kiryushka.html>

<https://www.livelib.ru/book/1001236382-kiryushka-vera-karaseva>